

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

«Новая история» в историографии постсоветских республик Закавказья и Центральной Азии

Т.В. Карпенкова

Исследуются концепции историографии постсоветских государств Закавказья и Центральной Азии, относящиеся к периоду их пребывания в составе Российской империи. Прослеживаются общие тенденции к негативной оценке российской государственности и политики того времени, ее квалификации как колониальной, русификаторской и враждебной национальным интересам коренного населения, показывается их связь с потребностями современной политической элиты стран ближнего зарубежья. Раскрыты методы исторического мифотворчества, используемые авторами учебной литературы (прямое искажение фактов, их тенденциозный отбор, некорректная интерпретация, отказ от общепринятых правил научного исследования), обоснованы способы противостояния историческим фальсификациям и важность решения этой задачи.

Ключевые слова: национальные элиты, постсоветские государства, фальсификация истории, Российская империя, колониальная политика, русификация, ассимиляция, национальная культура, буржуазные реформы, товарно-денежные отношения, переселенческая политика, национальные движения, стихийные протесты, мифотворчество, политические интересы.

Образование новых государств на территории бывшего СССР привело к появлению в них «новой истории». Национальные элиты, провозгласив свою независимость, приверженность либерализму и рыночным преобразованиям в экономике, в духовной сфере также затеяли «перестройку», основным стержнем которой стало внедрение в сознание людей (главным образом молодежи) идеи о необходимости дальнейшего развития собственной государственности.

Следует признать, что начавшийся процесс переписывания истории во многом носил объективный характер. У многих стран ближнего зарубежья была собственная национальная история, которая, однако, изучалась в школах и вузах советских республик (в вузах – исключительно на исторических факультетах) главным образом на фоне истории СССР. Кратковременные периоды капиталистического развития, история национальных общественных и политических движений и политических организаций подвергались разгромной критике и давались в весьма усеченном виде. Основным действующим лицом новейшей истории была коммунистическая партия. Вся предшествующая эпоха описывалась как противостояние эксплуататоров и угнетенных, многовековая борьба народа против национальной аристократии и буржуазии, которая в XX в. объективно привела к социалистической революции, избавлению от власти денег и частной собственности.

Первая волна ликвидации «белых пятен» истории прокатилась по всей стране еще в период горбачевской перестройки. Устранив их, историки постсоветских государств были вынуждены доказывать преемственность независимой государственности. Но здесь у них возникли проблемы. Одна из основных: как интерпретировать в новой исторической реальности и с максимальной пользой для растущего национального самосознания такое событие, как вхождение различных стран и народов в состав Российской империи, а позднее – в СССР? Решают они ее по-разному и зачастую, к сожалению, не только в националистическом ключе, но и с полным отходом от исторической правды.

В связи с этим особую актуальность приобретают исследование современной историографии в ближнем зарубежье, сравнительный анализ выдвинутых ею исторических концепций. Они имеют не только историософский или познавательный интерес (в конце концов, надо знать, что происходит у соседей). Наиболее одиозные из них нуждаются в критике и противодействии средствами исторической науки и дипломатии, так как наносят непоправимый ущерб взаимоотношениям государств и населяющих их народов (в том числе тех, которые отнесены к так называемой «нетитульной» нации). Сфальсифицированные страницы истории могут со временем стать минами замедленного действия, и такие примеры отнюдь не единичны.

* * *

Как показывает анализ исторических сочинений, изданных на постсоветском пространстве, наиболее кардинальной ревизии подверглась история Грузии. В современной грузинской историографии период пребывания страны в составе Российской империи (1801–1917 гг.) получил странное название «новая история Грузии», никак не согласующееся с общепризнанными схемами периодизации. Такой подход, в частности, получил отражение в учебнике по истории Грузии для 11-го класса средней школы, написанном М. Вачнадзе и В. Гурули и посвященном эпохе от начала XIX до конца XX в. Уже во введении авторы подчеркивают, что *«определяющим для этого периода является национальное движение грузинского народа против российского господства и восстановление государственной независимости Грузии»* [4, с. 3].

М. Вачнадзе и В. Гурули относятся к России и русским негативно, а пребывание страны в составе Российской империи называют злом и большой трагедией для грузинского народа. Грузия, как утверждается в учебнике, была колонией царской России. Основной лейтмотив книги – то, что царизм вел политику русификации и ассимиляции грузинского народа, что проявлялось во всех сферах жизни – духовной, образовательной, демографической, социально-экономической и др. Весь рассматриваемый период представлен как исторический этап, когда будущему грузинского народа угрожала серьезная опасность. Даже годы правления русского наместника Михаила Воронцова (1844–1854), когда грузинской знати, дворянству и интеллигенции предос-

тавлялись значительные льготы, характеризуются следующим образом: *«Тонкая и искусная политика Михаила Воронцова привела к тому, что грузинская элита встала на путь примирения с российским господством в Грузии... Колониальная политика России, проводимая Михаилом Воронцовым не грубыми и насильственными мерами, а умело, лояльными методами, была отнюдь не менее опасной для грузинского народа»* [4, с. 32].

Утверждается также, что *«в результате упразднения государственности и установления российского военно-оккупационного режима все население Грузии, все социальные слои и сословия оказались в тяжелейшем положении. Именно поэтому в начале XIX века в борьбу за восстановление государственности включилось все общество: царский дом Багратионов, князья, азнауры (дворяне), духовенство, крестьянство»* [4, с. 20].

Приведенные характеристики представляют собой яркий пример современного мифотворчества. М. Вачнадзе и В. Гурули ни словом не обмолвились о том, что отнюдь не все представители рода Багратионов были противниками России. О генерале Петре Ивановиче Баграти авторы решили вовсе не упоминать. Очевидно, их настолько раздражает тот факт, что П.И. Багратион был прославленным русским полководцем, что войне 1812 года в учебнике посвящено лишь два предложения: *«В июне 1812 года император Франции Наполеон напал на Россию. Военные успехи французской армии ставили Россию в тяжелое положение»* [4, с. 18].

Крымскую войну николаевская Россия фактически проиграла. Ее М. Вачнадзе и В. Гурули описывают как раз подробнее, но и то лишь для того, чтобы сделать вывод: *«Крымская война стоила грузинскому народу больших потерь...»* [4, с. 35]. Подобный, прямо скажем, шовинистический тон весьма характерен также для глав, посвященных грузинской культуре и национальному движению в Грузии.

Весь период нахождения страны в составе Российской империи представлен авторами в качестве сплошного «черного пятна». Единственным исключением, да и то с оговорками, стали буржуазные реформы 1860–1870-х гг. Авторы отмечают, что *«несмотря на целый ряд недостатков»*, реформа сельского хозяйства, судебная реформа и реформа городского управления имели *«прогрессивное значение»*, ибо способствовали *«развитию зарождавшихся в стране буржуазных отношений»* [4, с. 48, 49].

* * *

В азербайджанских учебниках по истории подчеркивается, что территории современного Азербайджана в составе Российской империи были «колонией», население которой подвергалось политическому, социальному, экономическому, религиозному и национальному угнетению. Однако резкие оценки не подтверждаются приводимым в тексте материалом. Примеры «колонизаторского гнета» выглядят неубедительно: *«Крестьяне... попадали в тяжелую налоговую кабалу. Российское правительство, столкнувшись с таким трагическим, но закономерным результатом своей политики, вынужде-*

но было учесть полное разорение азербайджанских крестьян. Правительство, чтобы не терять свои будущие доходы, разрешило простить крестьянам все недоимки» [8, с. 8]. Дальше выясняется, что «колонизаторы» не только с вниманием относились к настроениям простых людей, но и всячески старались их защитить от произвола местных феодалов. На своих беков, которые получили при новой власти должности комендантов, крестьяне жаловались именно русской администрации [8, с. 9].

Однако эти действия вызывают у авторов лишь сочувствие к знати и характеризуются как национальное угнетение: *«Над ханами, беками, агаларами, членами их семей, родственниками учинялась расправа. Их земли и имущество передавались казне. Экономическая основа их хозяйства разрушалась. Все эти трагические события не давали покоя людям»* [8, с. 41]. Тогда ханы стали поднимать восстания: *«Чаща терпения населения переполнилась. Большинство восстаний в провинциях возглавляли разоренные царскими чиновниками, подвергаемые преследованиям бывшие ханы, чье национальное достоинство было растоптано, а религиозные чувства оскорблены, которые жили мечтой о земле и достатке»* [8, с. 41]. Народ же, по утверждениям авторов, поддержал русских: *«Часть российской армии была вовлечена в войну с горцами Дагестана. В ленкоранской крепости был оставлен всего один батальон... Однако добровольческие милицейские отряды, сформированные из ленкоранцев, помогли русским. Таким образом, атака на крепость была отбита»* [8, с. 48]. С оговорками и не скрывая своего неодобрения, авторы все-таки признают, что *«определенная часть населения поддерживала колониальные власти и защищала их интересы»* [8, с. 49].

Столь же причудливо трактуются политика управления территорией, а также ее последствия для населения, экономики и культуры Азербайджана. Однако, если освободить излагаемые авторами факты от их собственных оценок, возникает следующая картина. Если в 1832–1833 гг. в Северном Азербайджане проживало свыше 700 тыс. человек, то в 1850 г. – уже около 1100 тыс. Доля городских жителей в общей численности населения в 1856 г. достигла 10% [8, с. 19]. Были ликвидированы феодальные пережитки в торговле (введены единая денежная система, система мер длины и веса, отменены внутренние таможенные пошлины [8, с. 37]). Возросло число купцов, владевших большими капиталами. Увеличились число и оборот предприятий торговли, расширился товарообмен между регионами, что способствовало развитию товарно-денежных отношений [8, с. 37]. Новая судебная система *«способствовала преодолению феодально-зависимых отношений»* [8, с. 67]. С 1852 г. государственные крестьяне должны были выплачивать подати казне не натурой, а деньгами, и сбывать для этого свою продукцию на рынке, что *«способствовало социально-экономическому развитию страны»* [8, с. 78].

Тем не менее при оценке российской политики авторы делают вывод: *«колониальная сущность режима открыто проявляла себя»* [8, с. 21]. «Колониальный гнет» обязательно должен был сопровождаться политикой руси-

фикации и великодержавия: *«В огромной колониальной империи, каковой была Россия, положение мусульманских народов было особенно тяжелое. Волею судеб Северному Азербайджану тоже пришлось разделить эту горькую участь»* [8, с. 21].

Очень часто встречается следующая претензия: *«Одним из уродливых проявлений колониальной политики, проводимой царизмом в Северном Азербайджане и вызывавшей большое недовольство, было отстранение азербайджанцев от государственного управления и военных дел»* [8, с. 314].

Как пример противостояния политики ассимиляции и вытеснения азербайджанского языка авторы указывают: *«Нашему народу удалось сохранить свой язык. Низами, Хатаи, Физули, Вагиф и десятки других мыслителей создали на этом языке ценные произведения, обогатившие человеческую культуру»* [8, с. 185]. Между тем Низами на азербайджанском языке никогда не писал (только на фарси). Хатаи, он же Исмаил I, был иранским шахом, основателем династии Сефевидов, так что покуситься на его наследие было не под силу никаким «ассимиляторам». Вагиф был сторонником союза с Россией, в его творчестве звучали симпатии к ней, и отказываться от него властям было бы просто неумно. Наконец, если национальная культура вытеснялась, то на какой же почве к концу XIX в. в «Северном Азербайджане выросла целая плеяда прогрессивных деятелей культуры» [8, с. 219], о чем авторы пишут как о национальном достижении?

На страницах учебника можно встретить обиды прямо противоположного свойства: *«Царское правительство, не доверяя азербайджанцам, не призывало их в армию... Это было наглядным свидетельством великодержавной колониальной политики»* [8, с. 150]. А если бы правительство призывало азербайджанцев в армию, это было бы для них дополнительной повинностью и еще более «наглядным свидетельством великодержавной колониальной политики».

Подводя итог, можно сделать вывод: несмотря на враждебное отношение к российскому фактору в истории Азербайджана, авторы учебника не могут подтвердить свою позицию конкретными материалами.

* * *

В армянской учебной литературе прослеживается стремление к более взвешенным и всесторонним оценкам. Отмечается негативная роль иранского и турецкого владычества в истории страны, и в противоположность этому – положительное влияние России на экономическое и культурное развитие Восточной Армении. *«Длительное турецко-иранское иго отрицательно сказалось на экономике Армении. Отрасль сельского хозяйства, которым занималась большая часть населения, находилась в отсталом состоянии. После присоединения к России в Восточной Армении были созданы более или менее приемлемые условия для развития... Помимо сельского хозяйства, получили развитие такие отрасли, как медный промысел, кузнечное и ювелирное дело... Воссоединение с Россией также способствовало развитию торговли*

в Восточной Армении...» [2, с. 62]. Отмечается, что в Российской империи национальные меньшинства не могли самостоятельно устраивать свою внутреннюю жизнь, но одновременно подчеркивается, что именно с помощью русских армяне познакомились с достижениями современной цивилизации. «В России не было конституции. Все зависело от воли царя. У национальных меньшинств не было прав на свою внутреннюю жизнь (язык, культура, школа, вера). Их обязывали ко всему российскому. Несмотря на это, нельзя описывать российское господство только лишь с отрицательной стороны. Многие народности именно при российском посредничестве смогли ознакомиться с промышленными новшествами – фабриками, железными дорогами и проч. В их числе и восточные армяне, которые в период с 1880 по 1890-е годы стали занимать главенствующие позиции в экономике Закавказья» [5, с. 123, 124].

В книге описывается развитие армянской культуры в конце XIX в., социально-экономический рост в Закавказье. Политика Александра III осуждается как русификаторская, подчеркивается, что «на Армению смотрели как на колонию». Освещается участие армян в общероссийском освободительном движении: «Армяне, как и другие национальные меньшинства, связывали свое будущее с демократизацией России. Принимали участие в набравших обороты революционных движениях...» [5, с. 123, 124].

Подробно рассмотрены события первой русской революции 1905–1907 гг. Вина за возникновение армяно-азербайджанских столкновений возлагается на царское правительство, якобы провоцировавшее их с целью отвлечь население Закавказья от революционной борьбы [2, с. 132]. Уделяется достаточное внимание как партии «Дашнакцутюн», так и РСДРП (персонально упоминаются С. Шаумян, Б. Кнунянц и С. Спандарян). Подчеркивается несправедливость обвинений армянских участников освободительного движения в России в антироссийских и сепаратистских устремлениях. При описании «дашнакского дела» (массового судебного процесса 1912 г. против 159 человек) отмечается, что «свободная пресса России строго осудила весь судебный процесс» и что именно вследствие такой реакции русской общественности 94 подсудимых были оправданы, а остальные получили незначительные взыскания [2, с. 129]. В разделе о Первой мировой войне подчеркивается, что в отличие от европейского театра военных действий, где русские войска понесли огромные потери и в 1915 г. были вынуждены отступить, на Закавказском фронте боевые действия развивались для России успешно. Русская армия вместе с отрядами армян-добровольцев заняла большую часть Западной Армении, выйдя на линию Трабзон – Битлис [5, с. 150, 151].

* * *

В учебниках, изданных в Казахстане, имеются значительные расхождения в оценках пребывания в составе Российской империи для территорий современного Казахстана. В «Рассказах по истории Казахстана» для учащихся 5-го класса дается перечень позитивных и негативных моментов: «Россия на-

ходила на более высоком уровне развития. Это давало возможность лучше развиваться экономике Казахстана. Стали строиться школы, заводы, фабрики, железные дороги. Быстро развивались земледелие и торговля, возникали новые города. Была ликвидирована безграмотность. Происходил обмен опытом в сельском хозяйстве, что вело к повышению производительности труда. Возникает взаимообогащение культур народов. С другой стороны, Казахстан потерял свою самостоятельность как государство и стал лишь частью Российской империи. В Казахстан устремилось огромное количество переселенцев из России, которые получили лучшие земли. Таким образом, сокращались пастбища и наносился урон хозяйству. Чтобы укрепить свое положение, царские власти строили военные крепости, вытесняя казахов с обжитых земель. Царские чиновники поработали и грабили казахское население, вводили дополнительные налоги. Многие скотоводы разорались» [3, с. 118-119]. Отметим, однако, что термины «колониализм», «колониальная политика» в данной книге не употребляются.

Напротив, в учебнике для 10-го класса С. Жолдасбаева акцент делается именно на «колониализме»: «Превращение Казахстана в сырьевой придаток Российской империи»; «Реформы царского правительства были направлены на усиление колониальной политики... Последствия реформ... были очень тяжелыми» [6, с. 167] и т.д. Наиболее яркое проявление колониализма – переселение крестьян: «Повальное переселение на казахские земли русских, украинских, белорусских крестьян началось в 70-х годах 19 столетия... Переселение принесло казахскому народу огромный вред. Из 50 млн гектаров земель, пригодных для земледелия, переселенцам передано 40 млн гектаров лучших земель, отобранных у местного населения... Землю использовали в колониальных целях» [6, с. 172].

Учебник для 11-го класса М. Койгельдиева также базируется на понятиях колониализма и национально-освободительной борьбы. Как подчеркивается уже во введении, «основное содержание учебника – характеристика понятия “национально-освободительная борьба” и освещение ее этапов на пути казахского народа к независимости» [9, с. 4]. Главная цель национально-освободительного движения – «освобождение народа от экономического, политического гнета другого государства, восстановление государственности, способной защитить национальные интересы страны, уничтожение колониальной системы и путем осуществления деколонизации достичь подлинной независимости». Авторы подчеркивают: «Национально-освободительная борьба казахского народа за свою независимость рождалась при столкновении двух цивилизаций, двух этнических систем... Борьба казахского народа против российского колониализма длилась долго, охватив вторую половину XVIII в. до 90-х гг. XX в.» [9, с. 5]. Эта борьба сопоставляется с «борьбой индийского народа против английских колонизаторов, борьбой алжирского народа против французского колониального господства, войной вьетнамского народа против американского колониализма» [9, с. 74].

* * *

В Узбекистане в учебной литературе проводится единая точка зрения на период пребывания страны в составе Российской империи, но концепция авторов внутренне противоречива и не подкрепляется конкретным материалом. Так, С.А. Абраров заканчивает первый том своего учебника тезисом: *«одним из важных направлений колонизаторской политики царизма в Туркестане была русификация в крае»*. Она выражалась, в частности, в том, что народное образование практически не поддерживалось центральными властями, последние выделяли средства *«исключительно на культурные нужды европейского населения»*. Доказательствами служат низкие суммы ассигнований на народное образование и то, что школа с обучением на родном языке содержалась только на средства коренного населения [1, с. 119]. Факты верные, но они никак не доказывают ни колонизаторской направленности, ни русификаторского характера царской политики: в русских губерниях на просвещение также выделялись весьма скромные средства и точно так же народные школы содержались за счет местного населения.

Конечно, «колонизаторская политика» в изображении узбекских историков отнюдь не сводится к русификации в сфере народного образования. Это достаточно емкий процесс, включающий и переселение в Туркестанский край русского населения (которое, по их мнению, вело к обнищанию местных дехкан, к столкновениям из-за земельных наделов и воды), и «несправедливую» налоговую политику, и даже рост эпидемических заболеваний. Россия привнесла в Туркестан ростки капиталистического строя, для которого, как считают авторы учебников, еще не было почвы. В результате капитализм принял в крае *«уродливые формы»*, отрицательно сказываясь на общей картине развития Средней Азии [1, с. 121].

Подобные доводы, призванные доказать, что регион был колонией Российской империи, не выдерживают никакой критики. Если следовать марксистской терминологии, которой так любят оперировать в Узбекистане, нужно признать, что в конце XIX – начале XX в. в Туркестане шел процесс первоначального накопления капитала и указанные выше «уродливые формы» крайне схожи с теми, которые сам Маркс описал на материале европейских стран XVI–XVII вв. Кроме того, в любой стране переход от одной социально-экономической модели к другой обычно сопровождается проявлениями недовольства в самых разных социальных слоях. Протест вызывает повышение налогов, попустительство «спекулятивно-ростовщической среде», ускоренное развитие товарно-денежных отношений. Этим и объясняется массовое недовольство в крае, причиной которого была вовсе не русификация (такая позиция была бы понятной, если бы эти явления коснулись только Туркестана), а объективный процесс включения Средней Азии в общероссийский рынок, в единое правовое поле, в единый комплекс социальных интересов и противоречий.

Стихийные протесты в Туркестане, проявлявшиеся в виде волнений дехкан, убийств, грабежей и т.п., нельзя рассматривать как часть сознательного антимонархического движения (как это стремится сделать С.А. Аббаров). Нет, это были скорее сиюминутные вспышки недовольства судьбой, акты возмездия за «несправедливость», стремление выплеснуть гнев, порождающие обычный в таких случаях лозунг – «круши все, что попадет под руку».

* * *

По версии кыргызских учебников по истории, в Туркестанском крае во времена Российской империи *«система управления регионом имела неприкрытый военно-колониальный характер»* [7, с. 5]. Отмечается, что административная реформа была проведена в первую очередь на территории, где проживали кыргызы. Власть в крае была сосредоточена в руках генерал-губернатора, областных военных губернаторов и уездных начальников, назначаемых царем. Уездные начальники обладали всеми необходимыми военными, административными и полицейскими полномочиями. Для контроля за родоплеменными институтами была введена система выборов. *«Волостные управители и айыльные старосты избирались на трехлетний срок. Выборы были косвенными, многоступенчатыми. Каждые 5–10 юрт открытым голосованием избирали одного выборщика»* [7, с. 6]. Важным орудием царизма и феодальной верхушки стал суд казиев, который решал все вопросы на основе шариата [7, с. 8]. В итоге Кыргызстан, *«как и другие колонии Российской империи, был превращен в источник дешевого сырья для российской промышленности, в ее аграрно-сырьевой придаток»* [7, с. 8].

В результате *«хищнической»¹* эксплуатации угольных и рудных месторождений общее количество промышленных предприятий резко увеличилось и к 1913 г. достигло 569. *«Рабочий день на предприятиях длился 12–14 часов, а труд оплачивался ничтожно малыми деньгами. Условия труда были очень тяжелыми и без всякой техники безопасности... В особенно сложном положении находились сезонные рабочие – большей частью представители местных национальностей»* [7, с. 9].

Города Ош, Токмак, Пишпек, Пржевальск и Кызылкия к началу XX в. превратились в центры местной торговли и промышленности, но *«кыргызов среди городского населения почти не было. Это свидетельствовало о слабости процессов разрушения патриархально-феодалных отношений в кыргызских айылах на фоне проводимой Россией имперской политики»* [7, с. 9].

Особое внимание в кыргызстанских учебниках истории отводится земельной политике Российской империи. В аграрной стране с господством родоплеменных отношений количество земли, принадлежащей тому или иному роду, играло ключевую роль при определении его позиции в общественной иерархии.

¹ *«Промышленные капиталисты всех мастей, привлеченные природными богатствами Кыргызстана, ринулись хищнически эксплуатировать его угольные и рудные месторождения»* [7, с. 8].

«Колониальный характер царской власти по отношению к подчиненным территориям ярче всего проявился в земельной политике» [10, с. 122]. «В Кыргызстан потянулись переселенцы из России. Их обустройством занимались специально созданные переселенческие управления» [10, с. 122]. «Власти старались любыми способами захватить земли местного населения. Одним из таких путей было обнаружение “земельных излишков”, находящихся в пользовании кыргызов. Где и сколько имеется пахотной земли, определялось на глазок» [7, с. 11].

«Переходу земли в руки колонизаторов способствовали также и байманы. Они сдавали переселенцам свои земли в долгосрочную аренду» [10, с. 122]. В результате земельной политики Российской империи «особенно пострадали простые кыргызы-землевладельцы. У них отобрали земли вместе со строениями, зимовками, загонами для скота, а их самих вытеснили в малопригодные для земледелия места» [10, с. 122].

Национальная политика Российской империи, по мнению цитируемых авторов, также была направлена против кыргызского народа. Царское правительство обвиняется и в том, что *«бежавших в Кыргызстан... дунган и уйгур царские власти... поселяли на удобных для земледелия территориях Ферганской и Чуйских долин, Иссык-кульской котловины» [10, с. 122]* в ущерб коренному населению.

Наряду с общей негативной трактовкой истории пребывания кыргызов в составе Российской империи упоминаются и ее позитивные аспекты. Так, в XIX в. *«расцветает искусство акынов – певцов-импровизаторов»*. В 1911 г. была издана первая книга на кыргызском языке. В 1913 г. в Уфе выходит книга Осмоналы – первая история кыргызского народа, написанная кыргызским автором. В Кыргызстане были открыты русско-туземные школы, которые, несмотря на малочисленность учеников, *«сыграли прогрессивную роль в развитии культурной жизни кыргызского народа того периода»*; *«Благодаря русским ученым кыргызский народ становится известным европейцам, а кыргызы получили возможность приобщиться к русской и мировой культуре» [10, с. 128, 129, 131–134].*

Впрочем, итоговая характеристика отношений русских к кыргызам звучит неутешительно. Российское общество XIX–XX вв. оказалось не готово к их интеграции в состав империи: *«в трудах “общественных деятелей” России широко обсуждались проблемы устройства крестьян-переселенцев в Туркестане, превращения его в сырьевой источник и выгодный рынок сбыта, орошения пахотных территорий, увеличения колониального фонда и другие проекты. Однако ни в одном из них не был затронут вопрос об... организации хозяйственной жизни местного населения» [7, с. 12].*

В качестве первого шага *«национально-освободительной борьбы кыргызского народа против колонизаторской политики Российской империи» [7, с. 15]* рассматривается выступление ишана (религиозного служителя) Ма-

дали в кишлаке Мин-Тюбе 17 мая 1898 г. Он *«с гневом говорил о том, что русские принесли в жизнь мусульман пьянство, они разрушают нравы, закрывают мечети, медресе, подвергают гонениям исламскую веру, отвергают правоверных, то есть мусульман, от шариата»*. Толпа в 2000 человек напала на Андижан и убила более 20 солдат и офицеров. *«Восставшие, почти безоружные, тоже понесли большие потери и вынуждены были отступить. Ишан Мадали был схвачен»*. Волнения распространились на всю Ферганскую долину, но *«царским войскам удалось подавить в течение недели оставшийся без своего предводителя народ»*. *«Несмотря на поражение, Андижанское восстание имело большое историческое значение. Оно стало первым шагом к национально-освободительной борьбе местного населения Туркестана против колониальной политики самодержавия»* [10, с. 124, 125].

25 июня 1916 г. император Николай II издал указ о привлечении на время войны мужчин призывного возраста (от 19 до 43 лет) из местного населения Туркестанского края к работам по устройству оборонительных сооружений в районах действующей армии. *«Народ воспринял волю белого царя враждебно: старики не хотели отпускать своих сыновей далеко от родной земли. Обстановку обостряли некоторые из переселенцев, пугая кыргызов-мусульман тем, что им на тыловых работах придется есть свиное мясо, что они погибнут все в окопах под градом пуль... И народ взялся за оружие»* [10, с. 125, 126].

При анализе причин восстания кыргызов авторы учебников выдвигают на первый план экономические и политические факторы: *«беспоощадная эксплуатация бедных богатыми, введение все новых поборов, нищенское существование основной массы народа, его бесправное положение и усиление национального гнета царского самодержавия»* [10, с. 126]. Столкновения повстанцев с российской армией продолжались с августа по октябрь 1916 г. Движение не имело единого центра, *«в некоторых местах повстанцы провозглашали видных манапов ханами»* [7, с. 16]. *«На подавление восстания были брошены войска из Семиречья, а также присланные из центра России два кавалерийских полка, конная батарея, 35 рот, 240 конных разведчиков, 16 пушек, 4 пулемета»* [10, с. 126].

Учебники повествуют об этих трагических событиях в современном информационно-документальном стиле: *«...14 августа в населенном пункте Беловодское карательный отряд совместно с группой ополчения из переселенцев уничтожил, не троя ни одного патрона, более 600 кыргызов, забив их палками, топорами и вилами. Полуживых раздавливали гужеными телегами. В тот же день озверевшие каратели совершили еще несколько рейдов в близлежащие волости, где сначала ограбили, а потом поголовно убили всех оставшихся в юртах кыргызов. Участвовавший в избиении кыргызов в Пиш-кеке некто Полтавский сетовал: “Пока протыкал эту киргизню, сломал новую вилу, надо было взять старую...”* [7, с. 16, 17].

* * *

Таким образом, в постсоветских государствах Закавказья и Центральной Азии продолжается и принимает новые формы фальсификация их истории, относящейся к периоду их пребывания в составе Российской империи. Анализ учебной литературы показывает, что основной реципиент такой фальсификации – учащиеся средних школ и студенты вузов, которым и адресуются новые трактовки исторических событий. Главная цель мифотворчества – стремление во что бы то ни стало доказать преемственность современной национальной государственности с существовавшей ранее, закрепить государственное размежевание с Россией на идеологическом, духовном и культурном уровнях. Это важно не только для развития своеобразно трактуемого национального самосознания, но и для получения новыми государствами внешнеполитических (в том числе геополитических) дивидендов.

Современная фальсификация истории, разумеется, идет не от незнания. Это абсолютно сознательная деятельность, связанная с защитой конкретных политических, государственно-властных, партийных или клановых интересов. Перед историками ставится прагматическая задача: защитить новую власть, ее установки, и опорочить, в меру необходимости, позиции реального или потенциального противника.

Авторы учебников – в основном профессиональные историки, которые прекрасно знают объективную картину событий. Давая их искаженную трактовку, они отражают интересы властных структур, неформализованное мнение влиятельных политических сил (наиболее рельефно представленное в газетных статьях и в Интернете). Поэтому, на мой взгляд, их трудно винить в указанных фальсификациях. Если учебник не будет выдержан в должном духе, его просто не издадут. Перед авторами стоит дилемма – либо вообще не писать, либо писать, но с оглядкой на местечковый национализм.

Следует также признать, что и в России встречаются случаи необъективного изложения истории, о чем сразу становится известно на всем постсоветском пространстве (они воспринимаются как сигнал «и нам можно»). Один из ярких примеров – учебник «История России. 1917–2009 гг.», написанный профессорами исторического факультета МГУ А.С. Вдовиным и А.И. Барсенковым, вокруг которого вспыхнула дискуссия в российском обществе. Очевидно, имелись серьезные основания для издания Указа Президента РФ от 19 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Методы фальсификации истории в постсоветских странах многообразны, но в целом их можно свести к двум основным: 1) прямое измышление фактов и подделка документов; 2) односторонний подбор фактов и произвольное их толкование, в результате чего выстраиваются причинно-следственные связи, в реальности отсутствующие, и делаются выводы, которые никак не вытекают из объективной картины событий.

В ряде случаев описываемые факты соответствуют действительности, но интерпретируются с грубым и целенаправленным нарушением методологических основ исторической науки. При этом отрывки из подлинных источников, воспоминания участников событий, отдельные фразы вырываются из общего контекста, что приводит к заведомо искаженным оценкам происходящего.

Чтобы противодействовать таким грубым фальсификациям, целесообразно использовать следующие средства:

- публикация российскими историками критических статей, разоблачающих новое мифотворчество и используемые им приемы;
- созыв международных научных конференций по узловым спорным вопросам с привлечением наиболее авторитетных авторов;
- подключение в особо ответственных случаях межгосударственных механизмов (например, структур СНГ) и дипломатических каналов.

Литература

1. *Абраров С.А.* История Узбекистана: Учеб. пособие. Ч. 1. – Ташкент, 2007.
2. *Армянская история. Новое время: Учебник для 8-го класса общеобразовательных школ / Под ред. В. Бархударяна.* – Макмиллан-Армения, 2007.
3. *Байпаков К., Дикань М.* Рассказы по истории Казахстана: Учебник для 5-го класса общеобразовательных школ. – Алматы: Аруна, 2008.
4. *Вачнадзе М., Гурули В.* История Грузии (XIX–XX вв.): Учебник для 11-го класса средней школы. – Тбилиси: Артануджи, 2003.
5. *Всемирная история. Новое время: Учебник для 8-го класса общеобразовательных школ.* – Занчак, 2007.
6. *Жолдасбаев С.* История Казахстана: Учебник для 10-го класса естественно-математического направления общеобразовательных школ. – Алматы: Мектеп, 2006.
7. *Иманкулов М.К.* История Кыргызстана XX–XXI вв.: Учебник для 9-го класса средней школы. – Бишкек: Китеп компании, 2006.
8. *История Азербайджана (30-е гг. XIX в. – 1917): Учебник для 10-го класса общеобразовательных школ / Под ред. Т. Велиева.* – Чашыоглу, 2004.
9. *Койгельдиев М.К. и др.* История Казахстана: Важнейшие периоды и научные проблемы: Учебник для 11-го класса общественно-гуманитарного направления общеобразовательных школ. – Алматы: Мектеп, 2007.
10. *Мырзамкатова А.С., Осмонов О.Дж., Молдокасымов К.С.* Краткая история Кыргызстана: Учебник для 5-го класса средней школы. – Бишкек: Бийиктик, 2004.
11. *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова; Фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб».* – М., 2009.